

НАШЕЛ СВОЮ СУДЬБУ В ОБЪЯТИЯХ СМЕРТНОЙ

СЕЙН
МЕЛОДИ

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ
РАКОНА

18+

Мелоди Лейн

Возлюбленная Дракона

«Автор»

2026

Лейн М.

Возлюбленная Дракона / М. Лейн — «Автор», 2026

В мире, где боги и смертные разделены Небесным Занавесом, юную Сюэ Лян, дочь торговца шелком, продают в уплату долга таинственному господину, чье лицо скрыто от всех. Ее новым домом становится уединенный дворец на вершине горы, где время течет иначе, а воздух пропитан древней магией. Хозяин дворца, Фэн Лун - не человек, а древний дракон, проклятый на вечное одиночество и апатию. Он видит в Сюэ Лян лишь очередную смертную, чья жизнь - мгновение по сравнению с его вечностью. Но ее нестигаемый дух, сострадание и тихая смелость начинают плавить лед в его тысячелетнем сердце. Пока между ними зарождается хрупкая, запретная связь, древние враги Фэн Луна узнают о его пробуждающейся уязвимости. Теперь дракону предстоит сделать выбор: остаться верным своему долгу и одиночеству или рискнуть всем ради смертной, ставшей его судьбой.

© Лейн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золото и шоколад. Фэн Лун	5
Глава 2. Дорога в никуда. Сюэ Лян	8
Глава 3. Тихий протест. Фэн Лун	11
Глава 4. Следы на шкатулке. Сюэ Лян	14
Глава 5. Ужин в тишине. Фэн Лун	17
Глава 6. Мелодия для дракона. Сюэ Лян	20
Глава 7. Отрава для тишины. Фэн Лун	23
Глава 8. Вкус дома. Сюэ Лян	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мелоди Лейн

Возлюбленная Дракона

Глава 1. Золото и шоколад. Фэн Лун

Время для меня - не река, а застывшее озеро. Тысячелетия отражаются в его неподвижной глади, не оставляя ряби. Я видел, как восходят и рушатся империи, как пересыхают моря и рождаются горы. Жизни смертных - лишь трепет крыльев майского мотылька, вспышка света перед вечной тьмой. Они рождаются, суеются, любят, ненавидят и умирают. Прах к праху. А я остаюсь.

Мой дворец на вершине горы Куньлунь - одновременно моя крепость и моя тюрьма. Воздух здесь разрежен и чист, пропитан энергией Ци такой мощи, что любой смертный истлел бы, сделав один вдох. Но для меня это лишь напоминание об одиночестве. Камни помнят мой гнев, нефритовые полы - мою апатию.

Сегодняшнюю тишину нарушил робкий перезвон колокольчика у подножия горы. Смертные. Опять. Мои слуги, сотканные из тумана и лунного света, доложили о прибытии торговца шелком, чьи долги перед одним из духов горы стали неподъемными. Дух, в свою очередь, был должен мне. Простая цепочка долговых обязательств, в конце которой стоял я. И в качестве уплаты мне предложили не золото и не редкие артефакты. Мне предложили дочь.

Какая безвкусица. Смертная девчонка. Что мне с ней делать? Ее жизнь - мгновение. Ее плоть хрупка, ее душа мимолетна. Она завянет быстрее, чем цветок дикой сливы под первым снегом.

Я сидел на своем троне из черного обсидиана в главном зале, скрытый игрой света и тени, что всегда сгустились вокруг меня. Смертный вошел, почти ползя на коленях. От него пахло пылью, потом и всепоглощающим страхом. Этот запах вызывал у меня скуку. Он лепетал что-то о почтении, о своей неплатежеспособности, о милости великого господина. Я не слушал. Мой взгляд был прикован к фигуре, что следовала за ним.

Она была одета в простое дорожное платье из грубого полотна, цвет которого напоминал увядшие листья. Но даже эта убогая ткань не могла скрыть изящества ее стана. Невысокая, хрупкая, словно фарфоровая статуэтка, которую можно разбить неосторожным движением. Она держала голову опущенной, как того требовал этикет, но ее спина была прямой. В ее позе не было раболепия, лишь покорность судьбе.

- Подними голову, - мой голос прозвучал в гулкой тишине зала, словно рокот камнепада. Я не повышал его, но сама его природа заставляла воздух вибрировать.

Торговец вздрогнул и вжал голову в плечи. Девушка же на мгновение замерла, а затем медленно, с достоинством, которое казалось неуместным в ее положении, подняла взгляд.

И тогда я впервые увидел ее глаза.

Мир замер. Тысячелетняя апатия, мой верный щит, дала трещину. Я ожидал увидеть в них страх, мольбу, ненависть. Но я увидел нечто иное. Глубокие, ясные озера цвета самого темного, самого горького шоколада, какой только можно найти в далеких южных землях. В их глубине плескался не только страх, но и упрямство. Вызов. Она смотрела на меня не как на божество или чудовище, а как на... причину своей беды. И не собиралась этого скрывать.

Ее длинные, густые волосы цвета темного каштана были собраны в простую прическу, несколько прядей выбились и обрамляли ее лицо с тонкими чертами. Кожа - гладкая, как речной жемчуг. Губы плотно сжаты. В ней была тихая, негибкая сила. Не сила воина, но сила бамбука, что гнется под ветром, но никогда не ломается.

Интересно. Впервые за несколько столетий мне стало интересно.

- Ее зовут Сюэ Лян, мой господин, - пролепетал торговец. - Она... она чиста. Невинна. Хорошо обучена вести хозяйство, знает грамоту и умеет ткать...

- Молчи, - оборвал я его. Его слова были лишь рыночным шумом. Я видел все, что мне нужно было знать, в ее глазах.

Я поднялся с трона, и тени послушно разошлись, открывая мою фигуру. Я намеренно выбрал сегодня простое темное ханьфу без вышивки, чтобы не ослеплять смертных своим истинным величием. Но мой рост, ширина плеч, длинные черные волосы, собранные в высокий хвост, и сама аура древней мощи заставили торговца пасть ниц. Девушка отшатнулась, ее глаза расширились, но она устояла на ногах.

Я медленно подошел к ней. Каждый мой шаг отдавался гулким эхом в зале и, я знал, в ее трепещущем сердце. Я остановился в шаге от нее, возвышаясь, как скала над полевым цветком. Я мог бы уничтожить ее одним движением пальца. Но вместо этого я протянул руку и коснулся пряди ее волос. Мягкие, как шелк высшего сорта, но лишенные его прохлады. Они были теплыми, живыми.

Она вздрогнула от моего прикосновения, но не отпрянула. Ее дыхание сбилось. Я чувствовал, как колотится ее сердце, как быстрая птица в клетке из ребер. Я наклонился, и мой взгляд встретился с ее. Мои золотисто-янтарные глаза, глаза дракона, в которых отражались вечность и холод звезд, против ее глаз цвета горячего шоколада, в которых горела искра жизни.

Золото и шоколад. Лед и пламя.

- Твой долг уплачен, - сказал я, обращаясь к торговцу, но не сводя глаз с его дочери. - Убирайся. И никогда не возвращайся. Забудь, что у тебя была дочь. Отныне она принадлежит этой горе. Она принадлежит мне.

Торговец, всхлипывая от смеси облегчения и горя, попятился к выходу, не смея поднять головы. Грохот закрывающихся врат отрезал Сюэ Лян от ее прошлого мира навсегда.

Она осталась стоять передо мной, одна в огромном зале. В ее шоколадных глазах я увидел, как вызов сменился отчаянием, но даже оно было гордым. Она не плакала.

- Ты знаешь, кто я? - спросил я тихо.

Она покачала головой. Ее губы дрогнули.

- Люди зовут меня по-разному. Хозяин горы. Древний дух. Чудовище. Для тебя... - я сделал паузу, наслаждаясь властью, которую давал этот момент. - Для тебя я - твой господин. Твоя судьба. Твоя жизнь и твоя смерть.

Я отступил на шаг, давая ей возможность дышать.

- Моя служанка покажет тебе твои покои. Тебе ни в чем не будет отказа. Еда, одежда, любые книги из моей библиотеки. Но запомни одно, Сюэ Лян. Ты не гостья. Ты - моя собственность. И ты никогда не покинешь эту гору.

С этими словами я развернулся и пошел прочь, оставляя ее одну посреди зала. Из теней выскользнула безмолвная фигура служанки и указала девушке путь.

Я удалился в свои покои, но образ ее глаз преследовал меня. Глаз, в которых я увидел не просто смертную. Я увидел душу, достаточно сильную, чтобы противостоять вечности.

Мое застывшее озеро впервые за тысячу лет покрылось легкой рябью. И я не знал, было ли это предвестием бури или долгожданного весеннего тепла.

Глава 2. Дорога в никуда. Сюэ Лян

Наш дом всегда пах шелком, сандалом и свежесваренным чаем. С самого детства я засыпала под мерный стук ткацких станков и просыпалась от аромата пряностей, которые отец привозил из своих торговых поездок. Мой мир был уютным и понятным: отцовская лавка на шумной городской улице, материнская улыбка, скрип деревянных полов и мягкое прикосновение шелковых нитей к пальцам. Я мечтала не о многом: выйти замуж за сына уважаемого лекаря, родить детей и помогать мужу, как моя мать помогала отцу. Простая, понятная, счастливая жизнь.

Эта жизнь рассыпалась в прах в один вечер.

Отец вернулся из поездки к предгорьям Куньлуня раньше срока. Он был бледен, как полотно, и избегал моего взгляда. Мать плакала всю ночь, а на утро отец позвал меня в свой кабинет. Воздух там был спертым, пахло долговыми книгами и угасшими надеждами.

- Сюэ Лян, дочь моя, - начал он, и его голос дрожал. - Я совершил ошибку. Я взял в долг у людей... нет, не у людей... у духов горы. Я думал, что смогу быстро вернуть, но караван с товаром пропал в ущелье. Я... я банкрот.

Я молча слушала, мое сердце сжималось от холодного предчувствия.

- Они потребовали уплаты. У меня нет ни серебра, ни товаров. Но хозяин горы, тот, кому духи служат... он согласился принять другую плату.

Он замолчал, не в силах произнести страшные слова. Но я уже все поняла. Я, его единственная дочь, была последним и самым ценным товаром, что у него осталось.

- Я поеду с тобой, отец, - сказала я тихо, и в тишине кабинета мой голос прозвучал удивительно твердо. Слезы стояли в горле, но я не позволила им пролиться. Если моя жертва спасет мою семью, я приму свою судьбу.

Путь к горе был странным. Чем выше мы поднимались, тем тише становился мир. Исчезли щебет птиц и стрекот цикад. Воздух стал прозрачным и холодным, а тропа под ногами, выложенная гладкими черными камнями, казалась неестественно идеальной. Деревья стояли, как безмолвные стражи, их листва не шелестела. Я чувствовала, как невидимый купол накрывает это место, отделяя его от всего живого мира.

Дворец появился из тумана внезапно. Он не был построен людьми. Огромный, высеченный из самой скалы, из черного, как ночь, камня, с изогнутыми крышами, похожими на крылья дракона. Он не давил, а поглощал, втягивал в себя свет и звук. У врат нас встретили не стражники, а лишь порыв ветра, который сам распахнул исполинские створки.

Главный зал был еще более пугающим. Пустой, необъятный, с высокими колоннами, уходящими во тьму под потолком. Где-то в глубине, на возвышении, виднелся трон, но фигура на нем была скрыта тенями. Я шла за отцом, и каждый наш шаг отдавался многократным эхом, будто за нами следовала целая армия призраков.

Голос Хозяина горы заставил меня вздрогнуть до глубины души. Он не был громким, но казался звуком самой земли - глубокий, рокошущий, древний. Он приказал мне поднять голову, и я повиновалась, собрав всю свою волю.

Я ожидала увидеть уродливое чудовище, демона с клыками и рогами. Но из теней на меня смотрел мужчина. Невероятно высокий и могучий, словно выкованный из стали и мрака. Его черные, как вороново крыло, волосы были стянуты в хвост, открывая лицо с резкими, властными чертами. Но не это поразило меня. Его глаза. Они горели, словно два расплавленных слитка золота. В них не было ни тепла, ни жалости, лишь холодное, всепонимающее знание вечности. Это были глаза не человека, а чего-то гораздо более древнего и опасного.

Он поднялся и пошел к нам. Я невольно отшатнулась. Его присутствие было почти осязаемым, оно давило, заставляя воздух густеть. Он был хищником, а я - беззащитной добычей. Он остановился передо мной и коснулся моих волос. Его пальцы были прохладными, как речные камни, но от их прикосновения по моей коже пробежал жар. Я замерла, боясь дышать, чувствуя, как бешено бьется мое сердце.

Его золотые глаза изучали меня, проникая, казалось, в самую душу. В этот момент я почувствовала себя совершенно нагой, лишенной всех секретов и мыслей.

А потом прозвучал приговор. Слова о том, что долг уплачен, что отец должен уйти и забыть обо мне. Я смотрела, как мой отец, мой защитник, моя единственная связь с прошлым, пятясь, уходит, не смея обернуться. Когда за ним с оглушительным грохотом закрылись ворота, я поняла, что умерла. Та Сюэ Лян, дочь торговца шелком, осталась за этими воротами. А та, что стоит перед этим могущественным существом, - лишь тень, безымянная собственность.

Он сказал, что мое имя теперь - его воля. Моя жизнь - его прихоть. Мой мир - эта гора.

Когда он ушел, оставив меня одну в гулкой пустоте, я впервые за весь день позволила себе содрогнуться. Ко мне бесшумно подскользнулась женщина в серых одеждах. Ее лицо было лишено всякого выражения, а движения плавными и нечеловеческими. Она молча указала мне путь.

Она привела меня в покои, чья роскошь ошеломляла. Стены были отделаны панелями из ароматного дерева, ширмы расписаны туманными горными пейзажами, а пол устилал мягкий ковер. Ложе было огромным, покрытым множеством слоев тончайшего шелка, а рядом на столике из темного нефрита стояли чаша с кристально чистой водой и тарелка с диковинными фруктами. Это была золотая клетка. Самая прекрасная клетка, какую только можно вообразить.

Служанка безмолвно поклонилась и исчезла так же тихо, как и появилась.

Я осталась одна. Я подошла к огромному окну без решеток. За ним не было ничего, кроме облаков. Дворец парил так высоко, что мир смертных остался где-то далеко внизу, скрытый плотной пеленой. Я была на острове посреди небесного океана.

Я коснулась прохладной поверхности резной деревянной рамы. Здесь нет побега. Нет надежды. Есть только он. Хозяин этой горы. Мой господин. Мужчина с глазами расплавленного золота.

Слезы, которые я так долго сдерживала, наконец хлынули из моих глаз. Но это были не слезы жалости к себе. Это были слезы прощания. Я плакала по своему дому, по матери и отцу, по своей украденной жизни и несбывшимся мечтам. Я плакала, пока не кончились силы, а потом просто стояла, глядя в бездну облаков, и чувствовала, как внутри меня рождается что-то новое. Холодная, тихая решимость.

Он может владеть моим телом. Он может заключить меня в эту золотую клетку. Но он никогда не получит моей души. Я не сломаюсь. Я буду гнуться, как бамбук на ветру, но я не сломаюсь.

Глава 3. Тихий протест. Фэн Лун

Прошло три оборота солнца и луны с тех пор, как смертная поселилась в моем дворце. Три дня. Для нее, должно быть, это тянется мучительно долго. Для меня - это короче взмаха ресниц. Я не искал ее общества. Зачем? Ее присутствие было лишь фактом, следствием чужого долга, новой вещью в моей коллекции вечности. И все же... я наблюдал.

В моих покоях есть зеркало из отполированного до блеска лунного камня. Оно не отражает того, кто в него смотрится. Оно показывает то, что я желаю видеть. И я, к своему собственному, почти забытому удивлению, желал видеть ее.

Я видел, как в первый день она плакала. Тихо, беззвучно, стоя у окна, что выходит на безбрежное море облаков. Ее хрупкие плечи сотрясались, но она не издала ни звука. Даже ее горе было исполнено достоинства. Это раздражало. Смертные должны быть шумными, их эмоции - бурными и недолговечными, как летняя гроза. Ее же скорбь была похожа на тихий, осенний дождь.

На второй день она перестала плакать. Вместо этого она начала действовать. Мои слуги из тумана приносили ей изысканные яства: персики бессмертия, что зреют раз в сто лет, утреннюю росу, собранную с лепестков нефритового лотоса, пирожные из облачной муки. Она прикасалась к ним, но ела лишь простой рис и пила воду, игнорируя деликатесы, достойные Небесного Императора. Молчаливый протест. Детский и совершенно бесполезный.

Она исследовала отведенные ей покои. Библиотеку свитков, где собраны знания тысячелетий. Музыкальную комнату с цитрой, чьи струны сделаны из лунных лучей. Внутренний сад, где цветы меняют свой цвет в зависимости от моего настроения. Она ко всему прикасалась с осторожным любопытством, но ничто, казалось, не трогало ее сердца. Она была здесь телом, но ее душа все еще цеплялась за свой пыльный, смертный мирок.

Сегодня, на третий день, она начала наводить порядок. Мои покои безупречны. Пыль не смеет оседать на моих вещах, время не смеет оставлять на них свой след. Но она нашла себе занятие. Раскладывала книги в ином порядке, переставляла нефритовые статуэтки, протирала и без того сияющие поверхности кусочком шелка. Она пыталась воссоздать подобие своей прежней жизни, внести частичку человеческой, упорядоченной суеты в мой застывший мир.

Эта ее деятельность, эта тихая, упрямая борьба с неизбежным начала вызывать во мне нечто большее, чем простое раздражение. Это было похоже на зуд под чешуей. Она была здесь. Живая. Теплая. И она отказывалась становиться лишь красивой тенью.

Довольно. Пора напомнить ей, кто она, и где ее место.

Я поднялся, отвернувшись от лунного зеркала. Одним усилием воли я перенесся из своих покоев к дверям ее комнаты. Я не постучал. Хозяин не стучится в двери своей кладовой. Я просто вошел.

Она стояла спиной ко мне, напевая себе под нос какую-то простую, незамысловатую мелодию из мира смертных. Она полировала маленькую статуэтку танцовщицы из белого нефрита. От этого простого, домашнего зрелища что-то внутри меня сжалось.

Моя тень упала на нее, и она замерла. Песня оборвалась на полуслове. Медленно, очень медленно она обернулась. В ее шоколадных глазах на мгновение мелькнул испуг, такой же чистый и животный, как у олененка, внезапно увидевшего волка. Но он тут же утонул в привычной глубине упрямой гордости. Она склонила голову в поклоне.

- Мой господин.

Ее голос был тих, как шелест листвы.

- Я вижу, ты нашла себе занятие, - произнес я, обводя взглядом комнату. Мой голос в замкнутом пространстве звучал еще глубже, заставляя вибрировать воздух. - Пытаешься сделать эту клетку похожей на дом?

Она не ответила, лишь крепче сжала в руках статуэтку.

- Это бесполезно, - продолжил я, медленно приближаясь. Я наслаждался тем, как она напряглась, как ее дыхание стало прерывистым. - Ты не дома. Ты - вещь, принесенная в этот дом. Красивая вещь, но не более.

Я остановился прямо перед ней, заставляя ее поднять голову, чтобы посмотреть на меня. Ее хрупкость рядом с моей мощью была почти абсурдной. Я мог сломать ее одним пальцем.

- Вещи должны радовать глаз своего хозяина, - сказал я, и мои золотые глаза впились в ее. - Твоя одежда... она слишком проста. Она напоминает о пыли дорог, от которой я тебя забрал.

Мои слуги-тени беззвучно появились рядом, держа в руках новое одеяние. Это было ханьфу из тончайшего шелка цвета утренней зари, нежно-розовое, с длинными, струящимися рукавами. По подолу и рукавам золотыми нитями были вышиты пионы - символ благородства и любви. Ирония, которую она вряд ли оценит.

- Ты будешь носить это, - приказал я. Это не было просьбой.

Она посмотрела на великолепную ткань, потом на меня. В ее взгляде я прочел борьбу. Она хотела отказаться, я это видел. Но она понимала тщетность сопротивления. С дрожащими руками она протянула их и приняла дар, который на самом деле был еще одним звеном в ее цепи. Шелк в ее руках казался живым, он струился и переливался.

- Надень его. Сейчас, - мой голос не терпел возражений.

Она опустила глаза, ее щеки залил румянец. Смушение. Еще одно чисто смертное чувство, почти забытое мной. Она не двинулась с места.

- Мне нужна ширма, мой господин.

- Я твой господин, Сюэ Лян. От меня у тебя нет секретов. Ни за какой ширмой. Поворачивайся.

Унижение отразилось в ее глазах, но она подчинилась. Ее пальцы неловко распускали узел простого дорожного платья. Я наблюдал, как грубая ткань соскользнула с ее плеч, открывая взору гладкую кожу спины, изящную линию позвоночника, тонкую шею. Она стояла передо мной в нижней рубашке, и ее беззащитность была почти осязаема. Она дрожала, но не от холода.

Я сделал шаг и взял из ее рук розовое ханьфу.

- Позволь мне.

Мои пальцы, коснувшись ее плеч, ощутили живое тепло ее кожи. Она вздрогнула так, словно я ее обжег. Я медленно накинул на нее шелковые одежды, мои руки скользили по ее рукам, когда я продевал их в широкие рукава. Я чувствовал биение ее пульса под своими пальцами. Быстрое, испуганное, как у пойманной птицы. Аромат ее кожи, чистый, с легкой ноткой мыла и чего-то еще, неуловимо женского, ударил в ноздри.

Я затянул пояс на ее тонкой талии, намеренно позволив своим рукам задержаться на ней на мгновение дольше, чем было нужно. Она затаила дыхание.

- Вот так, - прошептал я ей на ухо, чувствуя, как по ее коже пробежала дрожь. - Теперь ты выглядишь так, как и подобает сокровищу дракона.

Я отступил. Она медленно повернулась. В роскошном одеянии она выглядела как принцесса из древней легенды. Нежная, хрупкая, прекрасная. И полностью принадлежащая мне. Ее глаза были влажными от непролитых слез унижения, но она смотрела на меня прямо.

Мое каменное сердце, не знавшее трепета тысячи лет, пропустило удар. Я добился своего. Я показал ей ее место. Но вместо чистого удовлетворения от власти я почувствовал нечто иное. Странное, тревожное тепло.

Я резко развернулся и покинул ее покои, не сказав больше ни слова. Мне нужно было одиночество, чтобы понять природу этого нового, незнакомого чувства, которое разожгла во мне эта смертная девчонка.

Глава 4. Следы на шкатулке. Сюэ Лян

Прошли дни. Или недели. Здесь, над облаками, время течет иначе. Нет привычной смены дня и ночи, лишь мягкие переходы от жемчужного сияния к глубокому индиго. Солнце и луна - далекие божества, не имеющие власти в этом застывшем царстве. Я пыталась считать дни, делая зарубки на обороте старой деревянной шкатулки, но вскоре сбилась и бросила эту затею. Какая разница, сколько дней я провела в клетке? Важно лишь то, что я все еще в ней.

Мои покои были огромны и пусты. Роскошь, окружавшая меня, была холодной, неживой. Я тосковала по скрипу половиц в нашем старом доме, по запаху свежего хлеба с кухни, по шумным голосам торговцев на улице. Здесь же царила идеальная, гнетущая тишина, нарушаемая лишь звуком моих собственных шагов.

Слуги, сотканые из тумана, исполняли любую мою невысказанную мысль. Стоило мне подумать о жажде, как на столе появлялась чаша с прохладной водой. Если я чувствовала озноб, в жаровне сам собой разгорался огонь. Они были идеальными слугами и самыми ужасными компаньонами. У них не было лиц, не было голосов. Они были лишь продолжением воли моего хозяина.

Его воля... Я чувствовала ее повсюду. В идеальном порядке вещей, в безмолвии коридоров, в воздухе, который казался густым и тяжелым от древней магии. Я чувствовала его взгляд на себе, даже когда была одна. Это было самое страшное - постоянное ощущение, что я нахожусь под наблюдением. Невидимый страж, от которого не скрыться.

Единственным моим утешением стал внутренний сад. Это было место неземной, странной красоты. Вместо привычных мне пионов и хризантем здесь росли цветы из живого света, меняющие свой оттенок с каждым моим вздохом. Деревья были из чистого нефрита, а их листья, казалось, выкованы из серебра и тихо звенели, хотя ветра не было. В центре сада был пруд, гладкий, как черное зеркало, в котором не отражалось ничего, кроме пустого неба.

Я приходила сюда каждый день. Я садилась на каменную скамью и пыталась медитировать, как учил меня в детстве странствующий монах. Я пыталась очистить свой разум от страха и отчаяния, сосредоточиться на дыхании. Но мысли все время возвращались к нему. К Хозяину горы. К дракону.

Его визит три дня (или вечность?) назад оставил на мне неизгладимый след. Я до сих пор чувствовала на своей коже фантомное прикосновение его прохладных пальцев. Я помнила тяжесть его взгляда, рокот его голоса, который, казалось, заставлял дрожать кости. Он пришел, чтобы унижить меня, чтобы напомнить, что я - его вещь. И у него это получилось.

Теперь я носила подаренное им ханьфу. Шелк был невесомым, как утренний туман, но на моих плечах он лежал свинцовой ношей. Каждый раз, видя свое отражение в отполированных поверхностях, я видела не Сюэ Лян, а наряженную куклу, сокровище, выставленное на показ. Румянец стыда заливал мои щеки, когда я вспоминала, как он стоял за моей спиной, как его руки затягивали пояс на моей талии. Это было вторжением, нарушением последней границы, что у меня оставалась - моего собственного тела. И все же... в этом прикосновении было нечто большее, чем просто демонстрация власти. Какое-то странное, почти бережное любопытство. И это пугало меня еще больше.

Сегодня я сидела у пруда, перебирая в руках гладкий белый камень. Я думала об отце. Продали ли они лавку? Хватает ли им с матерью еды? Забыли ли они обо мне, как приказал Хозяин? От этих мыслей к горлу подступил ком.

- Тебе одиноко?

Голос раздался прямо за моей спиной. Тот самый, глубокий и рокошующий. Я вздрогнула и вскопчила, выронив камень. Он стоял там, бесшумный, как тень, одетый в черное шелковое ханьфу, расшитое золотыми драконами, что извивались при каждом его движении. Его золотые глаза горели на фоне черной ткани особенно ярко.

- Мой господин, - прошептала я, склоняя голову. Мое сердце колотилось о ребра, как обезумевшая птица.

- Я задал вопрос, - сказал он, не двигаясь с места. Его голос был спокоен, но в нем слышалась сталь. - Тебе одиноко в этом саду, где даже цветы не имеют запаха, а вода не помнит отражений?

- Я... я нахожу здесь покой, - ответила я, не смея поднять на него взгляд.

- Ложь, - отрезал он. Он сделал шаг ко мне, и я инстинктивно попятилась, пока не уперлась спиной в ствол нефритового дерева. - Ты ищешь здесь не покой, а воспоминания. О своем ничтожном мире, где цветы вянут, а вода покрывается рябью от ветра. Ты цепляешься за прошлое.

Он подошел вплотную. Я чувствовала исходящую от него ауру силы, холодную и древнюю, как сама гора. Он поднял руку и коснулся лепестка светящегося цветка рядом с моим лицом. Цветок вспыхнул ярче, а затем рассыпался в пыль.

- Все здесь подчиняется мне, Сюэ Лян. И все здесь вечно. Кроме тебя. Твоя жизнь - лишь мгновение. Так зачем тратить его на пустые сожаления?

Его пальцы оставили цветок и легко коснулись моей щеки. Его прикосновение было прохладным, но под ним моя кожа горела. Я замерла, боясь дышать. Его золотые глаза изучали мое лицо, губы, испуганно приоткрытые, дрожащие ресницы.

- Ты боишься меня, - это был не вопрос, а утверждение. - И правильно делаешь. Но ты должна бояться не моей силы. А того, что я могу заставить тебя забыть.

- Я никогда не забуду, - выдохнула я, сама удивляясь своей смелости.

Уголок его губ чуть дрогнул в подобии усмешки.

- Все смертные так говорят. Но вечность - сильный яд для короткой памяти. - Он убрал руку. - Я пришел сказать тебе, что с этого дня ты будешь ужинать со мной. В главном зале. Твое одиночество окончено.

С этими словами он развернулся и так же бесшумно исчез, как и появился, оставив меня дрожать у нефритового дерева.

Мое одиночество окончено. Но вместо облегчения я почувствовала лишь ледяной ужас. До сих пор он был далеким, почти мифическим тюремщиком. Теперь же он собирался впустить меня в свое логово. И я понимала, что это не милость. Это было начало новой, куда более опасной игры, правил которой я не знала. Сад безмолвия больше не казался мне тюрьмой. Он был последним убежищем, которого меня только что лишили.

Глава 5. Ужин в тишине. Фэн Лун

Я сидел во главе длинного стола из черного, как ночь, нефрита. Стола, за которым я не разделял трапезу ни с кем уже более пятисот лет. Пламя в массивных бронзовых светильниках горело ровно, не колеблясь, ибо в моем дворце нет сквозняков. Тишина была моим вечным спутником, привычным и удобным, как старое одеяние. Но сегодня она казалась иной. Напряженной. Наполненной ожиданием.

Я сам не до конца понимал, зачем приказал ей ужинать со мной. Возможно, это была простая прихоть, желание разнообразить тягучую вечность. А возможно... возможно, мне хотелось вновь увидеть тот тихий вызов в ее шоколадных глазах. Она была единственным живым существом в этом дворце, не считая меня. И ее жизнь, ее тепло, ее упрямство были... любопытны. Как любопытен редкий цветок, выросший на голом камне.

Я услышал ее шаги задолго до того, как она появилась в арке зала. Легкие, почти неслышные, но для моего слуха они были отчетливее удара грома. В них слышалась робость, но не было унижительной спешки или шарканья. Она вошла, и мой взгляд невольно задержался на ней.

В розовом шелке, подаренном мной, она казалась нежным бутонем пиона, занесенным в пещеру дракона. Хрупкая точка цвета и жизни в моем огромном, сумрачном зале. Она остановилась на пороге, словно собираясь с духом, а затем медленно подошла к столу и, не дожидаясь моего приказа, совершила изящный, почтительный поклон.

- Мой господин.

Я указал на стул напротив. Он находился далеко, на другом конце стола, но даже на таком расстоянии я мог видеть, как напряжена линия ее плеч, как крепко сжаты ее губы. Она села, выпрямив спину, и сложила руки на коленях. Кукла. Идеальная, послушная кукла. Но я-то знал, что внутри этой фарфоровой оболочки горит огонь.

Безмолвные слуги наполнили стол яствами. Прозрачные, как слеза, пельмени с начинкой из лунной пыли. Ломтики жаркого из мяса Циляня, мифического зверя, дарующего отведавшему его удачу. Горка риса, каждое зернышко которого светилось изнутри жемчужным светом. Она смотрела на все это великолепие широко раскрытыми глазами, но не притронулась ни к чему.

- Еда тебе не по вкусу? - спросил я, нарушая тишину.

Она вздрогнула и подняла на меня взгляд.

- Она... она слишком изысканна, мой господин.

- Ты хочешь сказать, что тоскуешь по своей человеческой пище? По грубой похлебке и полусырому рису? - в моем голосе прозвучали нотки насмешки.

Ее щеки вспыхнули, но она ответила ровно:

- Я тоскую по еде, приготовленной руками моей матери.

Ее ответ был прост, но он ударил по мне с неожиданной силой. Мать. Семья. Теплые, смертные понятия, давно истлевшие в моей памяти. В этом зале когда-то тоже звучали голоса, смех. Боги и духи пировали за этим столом, когда мир был молод. Но они ушли. Одни вознеслись в высшие сферы, другие пали, третьи просто исчезли, растворившись во времени. Остался только я. И эта тишина.

Я взял кувшин из горного хрусталя, наполненный вином из цветов дикой сливы, что цветет раз в тысячу лет. Одним движением пальца я заставил чашу, стоявшую перед ней, подлететь ко мне. Наполнив ее до краев, я так же вернул ее на место.

- Выпей, - приказал я. - Это вино согреет твою смертную кровь и поможет забыть о том, что ты потеряла.

Она с опаской посмотрела на рубиновую жидкость. Я видел ее сомнения. Яд? Одурманивающее зелье? Она колебалась, но мой пристальный взгляд не оставил ей выбора. Дрожащими пальцами она взяла чашу, поднесла к губам и сделала маленький глоток.

Я наблюдал за ней. За тем, как ее глаза изумленно расширились, когда вкус и тепло напитка коснулись ее. Как легкий румянец проступил на ее бледных щеках, делая ее еще более живой. Как она невольно облизнула губы, на которых осталась капля вина. Древний, давно спящий инстинкт хищника шевельнулся во мне. Инстинкт не убивать, но... обладать.

Она сделала еще один глоток, уже смелее. Тепло вина, очевидно, ослабило ее страх.

- Расскажи мне, - сказал я неожиданно для самого себя. - О своем городе. О своей жизни там.

Она замерла с чашей в руках.

- Зачем вам это, мой господин? Вы сами сказали, что это ничтожный мир.

- Ничтожный, но твой, - ответил я, откидываясь на спинку кресла. - Я хочу знать, от чего именно я тебя забрал. Рассказывай.

И она начала говорить. Сначала неуверенно, подбирая слова, но потом все более увлеченно. О шумных рынках, пахнущих специями и жареными лепешками. О празднике фонарей, когда весь город светится сотнями огней. О работе в отцовской лавке, о том, как она любила перебирать гладкие, прохладные шелка.

Я слушал, и в ее голосе оживали картины мира, который я давно перестал замечать. Мира суетливого, хрупкого, полного мелких радостей и печалей. И пока она говорила, я смотрел на нее - на блеск ее глаз, на легкую улыбку, коснувшуюся ее губ, когда она вспоминала что-то хорошее.

Впервые за сотни лет тишина в этом зале была нарушена не моим голосом, а чужим. И эта тишина, наступившая после того, как она замолчала, была тяжелее и глубже прежней. Она была наполнена эхом ее слов. Эхом ее утраченной жизни.

- Довольно, - сказал я резко, обрывая собственные мысли. - Ужин окончен. Можешь идти.

Она послушно поднялась, поклонилась и направилась к выходу. Я смотрел ей вслед.

Она почти дошла до арки, когда я понял, что не хочу, чтобы она уходила. Не хочу снова оставаться один в этой гулкой пустоте. Но я - Фэн Лун. Я - дракон. Я не прошу. Я приказываю. А сегодня я не знал, что приказать.

Она исчезла. И тишина вернулась. Но она больше не была моим спутником. Теперь она была моим врагом, моим укором. Пустота в зале стала осязаемой. И я понял, что, пытаясь заполнить ее присутствием смертной, я лишь острее ощутил собственное бесконечное одиночество.

Глава 6. Мелодия для дракона. Сюэ Лян

Когда служанка из тумана принесла мне весть о том, что я должна разделить ужин с Хозяином, ледяные пальцы страха сжали мое сердце. Весь день я провела в тревоге. Я снова и снова перебирала в памяти наш разговор в саду. Его слова о том, что он может заставить меня забыть. Его прикосновение к моей щеке. Ужин. Это не было приглашением. Это был вызов на поле боя, где у меня не было ни доспехов, ни оружия.

Я шла по бесконечным, гулким коридорам дворца. Светящиеся камни в стенах отбрасывали длинные, пляшущие тени, которые казались живыми. Каждый шаг отдавался эхом, словно кто-то невидимый шел за мной. Розовое ханьфу, которое я теперь была обязана носить, казалось мне одеждой для жертвоприношения. Я вспоминала наш дом. Как мы всей семьей собирались за ужином за маленьким деревянным столом. Мать ставила на стол миску с дымящимся рисом и лапшой, отец рассказывал о делах в лавке, а в воздухе пахло соевым соусом и имбирем. Этот простой, теплый мир был теперь так же далек, как звезды, которых я не видела с тех пор, как попала сюда.

Он уже был там. Сидел во главе исполинского стола, неподвижный, как изваяние из темного камня и золота. Его присутствие заполняло собой весь зал, делая его еще больше и холоднее. Я заставила себя подойти, поклониться и сесть на указанное место. Пропасть между нами, казалось, можно было измерять в ли.

Еда, появившаяся на столе, была прекрасна и нереальна. Она не пахла. Это была пища для глаз, но не для души. Я не смела к ней притронуться, боясь, что она обратится в пыль у меня во рту.

Его голос, заставивший меня вздрогнуть, был насмешлив. Он издевался над моей тоской по простой человеческой еде. Но когда я, сама не зная почему, сказала о руках матери, насмешка в его глазах на мгновение угасла. Что-то промелькнуло в их золотой глубине. Воспоминание? Сожаление? Я не знала.

А потом было вино. Я была уверена, что это яд. Или зелье, которое лишит меня воли. Но отказаться было равносильно смерти. Я сделала глоток, готовая ко всему. Но вместо яда по моему телу разлилось удивительное, глубокое тепло. Оно распустило узел страха в моем животе, согрело озябшие пальцы. Мир вокруг на мгновение стал ярче, а его золотые глаза, казалось, засияли еще сильнее.

И он приказал мне рассказать о моем мире. Это было жестоко. Заставлять меня вспоминать то, что я навсегда потеряла. Но вино придало мне смелости, и слова полились сами собой. Я говорила, и на несколько мгновений я забыла, где нахожусь. Я снова была девочкой, бегущей по шумной улице, вдыхающей запаха рынка, помогающей отцу в лавке. Я рассказывала ему о своей жизни, и мне показалось, что он действительно слушает. Не как хозяин слушает отчет раба, а как... как слушают интересную историю.

Когда он резко оборвал меня, я словно очнулась ото сна. Реальность обрушилась на меня с новой силой. Я снова была пленницей, игрушкой в руках всемогущего существа. Я молча поднялась и пошла прочь, чувствуя его взгляд на своей спине.

Но когда я дошла до выхода из зала, меня охватило отчаяние. Я не могла просто так уйти. Я не могла снова стать молчаливой куклой, ждущей его следующей прихоти. Я должна была что-то сделать. Показать ему, что я - не просто вещь. Что у меня есть душа.

Собрав всю свою волю, я остановилась и обернулась. Он все так же сидел, глядя на меня.

- Мой господин, - мой голос дрогнул, но я заставила себя продолжать. - В моих прежних покоях была комната с музыкальными инструментами. Позвольте мне... позвольте мне сыграть для вас.

Я ожидала отказа, гнева, насмешки. Но он молчал, его золотые глаза изучали меня. Это молчание было страшнее крика. Наконец, он едва заметно кивнул.

Мое сердце забилося так сильно, что, казалось, выпрыгнет из груди. В боковой нише зала, которую я не замечала прежде, действительно стояла цитра-гучжэн из темного дерева, инкрустированная перламутром. Она выглядела древней и совершенно нетронутой.

Я подошла к ней, мои пальцы дрожали. Я села на шелковую подушку, положила инструмент на колени. На мгновение я закрыла глаза, вспоминая учителя музыки, который говорил, что гучжэн - это голос сердца. Что сейчас скажет мое сердце?

Я начала играть. Это была не сложная дворцовая мелодия, а простая, незатейливая песня, которую пела моя мать, когда ткала шелк. Песня о реке, что бежит к морю, о журавле, тоскующем по дому, о любви, что сильнее разлуки.

Мои пальцы летали по струнам, и хрупкая, нежная мелодия поплыла по огромному залу. Она была тонкой ниточкой человеческого тепла в этом царстве вечного льда. Она рассказывала о том, о чем я не смела сказать словами: о моей тоске, о моей боли, о моей несломленной надежде.

Я играла и не смела поднять глаз на дракона. Я вложила в эту мелодию всю свою душу. Звуки то взлетали вверх, как птицы, то падали вниз, как слезы. Они заполняли пустоту, которую не могли заполнить ни роскошь, ни магия.

Когда я сыграла последний аккорд, его звук еще долго висел в воздухе, дрожа, а затем растворился. Наступила тишина. Но это была уже другая тишина. Не мертвая, а наполненная эхом моей музыки.

Я медленно подняла голову. Фэн Лун не сдвинулся с места. Он сидел, откинувшись на спинку кресла, и смотрел на меня. В его глазах больше не было ни насмешки, ни холодной власти. В их золотой глубине я увидела нечто новое, нечто, что я не могла понять. Древнюю, бездонную печаль. Словно моя простая мелодия коснулась струны в его тысячелетнем сердце и заставила ее зазвучать.

Он ничего не сказал. Лишь сделал легкий жест рукой, отпуская меня.

Я поднялась, поклонилась и вышла из зала. Всю дорогу до своих покоев я не чувствовала страха. Я чувствовала странное опустошение и... торжество. Сегодня я не просто ужинала с драконом. Я заставила его слушать песню моего сердца. И он услышал.

Глава 7. Отрава для тишины. Фэн Лун

Она ушла, но ее музыка осталась.

Она не просто заполнила тишину зала - она отравила ее. Каждый отголосок ее мелодии был как капля яда, что падает в стоячую воду, расходясь кругами и мутя вековой покой. Я сидел на своем троне из обсидиана, но впервые за столетия он казался холодным и неудобным.

Эта простая, незамысловатая песня смертных... она вскрыла что-то во мне. Что-то, что я похоронил под тяжестью тысячелетий. Воспоминания. Не ясные образы, а лишь тени, призрачные ощущения. Эпоха, когда мир был юн, когда Небеса и Земля еще разговаривали друг с другом. Когда я не был единственным. В ее мелодии была тоска по дому, по теплу очага. И эта тоска, такая человеческая, такая ничтожная, нашла отклик в моем каменном сердце, разбудив мою собственную, безмерную, как океан, тоску. Тоску по расе, что исчезла, по братьям, что уснули вечным сном или сгинули в пламени древних войн.

Ярость поднялась во мне. Холодная, драконья ярость. Как она посмела? Эта смертная пылинка. Прийти в мой мир, в мою вечность и своим жалким искусством напомнить мне о том, что я утратил. Это было недопустимо. Это было опасно. Эта эмоция была слабостью.

Я поднялся и одним движением воли оказался на самой высокой башне своего дворца. Здесь, наедине с ветрами, что рождаются между мирами, и холодным светом далеких звезд, я всегда чувствовал себя собой. Древней силой, стихией. Я расправил плечи, и на мгновение моя человеческая форма затрещала, готовая уступить место истинному облику - чешуе, когтям и крыльям. Я вдохнул разреженный воздух, пытаюсь выжечь из легких ее музыку, изгнать из разума образ ее пальцев, танцующих на струнах.

Но он не уходил.

Я знал, что должен преподать ей еще один урок. Сломать ее. Заставить ее понять, что ее душа, ее таланты, ее чувства - все это лишь игрушки для моего развлечения, не имеющие надо мной никакой власти.

На следующий день я нашел ее в библиотеке. Она сидела на полу, окруженная древними свитками, и с детским любопытством разглядывала карту звездного неба, какой его видели древние мудрецы. Свет, падающий из высокого окна, золотил ее темные волосы и нежный профиль. Она была так поглощена своим занятием, что не заметила моего появления.

В этот момент, глядя на нее, такую тихую и беззащитную, я не почувствовал ярости. Лишь странное, тягучее спокойствие.

Я кашлянул. Негромко, но в звенящей тишине библиотеки этот звук прозвучал, как обвал.

Она вздрогнула и вскочила на ноги, свитки рассыпались вокруг нее. Страх и почтение отразились на ее лице, когда она торопливо поклонилась.

- Мой господин.

- Встань, - мой голос был ровным, лишенным эмоций. Я подошел ближе, мой взгляд скользнул по разбросанным свиткам. - Я вижу, ты ценишь знания. Это похвально для смертной.

Она молчала, не зная, как реагировать.

- Та музыка, что ты играла вчера, - начал я, останавливаясь прямо перед ней. - Что это была за мелодия?

- Это... это колыбельная, мой господин, - ответила она тихо. - Ее пела мне мать.

Колыбельная. Песня для ребенка. И она спела ее мне, древнему дракону. Ирония была так горька, что на моих губах почти появилась усмешка.

- Твоя мать научила тебя играть?

- Нет, мой господин. Отец нанял для меня учителя. Он говорил, что девушка из хорошей семьи должна уметь радовать слух мужа и гостей.

Я протянул руку и поднял один из свитков. Он был сделан из тончайшего бамбука, письмен на нем были начертаны на языке, который забыли даже боги.

- Ты играла не для того, чтобы порадовать меня, - сказал я, не глядя на нее. - Ты играла, чтобы показать мне свою боль. Ты использовала свою тоску как оружие. Это было смело. И очень глупо.

Я повернулся к ней. Ее глаза расширились от удивления и страха. Она не ожидала, что я пойму ее замысел.

- Ты думаешь, твое ничтожное человеческое горе может тронуть меня? - я сделал шаг к ней, она попятилась и уперлась в высокий стеллаж. Я поставил руку на полку рядом с ее головой, запирая ее. - Ты думаешь, твои слезы могут растопить лед, который не смогли растопить тысячелетия?

Я наклонился к ней. Я чувствовал тепло, исходящее от ее тела, видел, как трепещут ее ресницы, ощущал легкий аромат ее кожи. Мое намерение было - напугать, подавить, поставить на место. Но близость... она меняла все.

Мой взгляд упал на ее руку, лежащую на свитке, который она все еще сжимала. Маленькая, изящная рука. Я накрыл ее своей.

Это было как удар молнии.

Ее кожа была мягкой и невероятно теплой. Живой. Под моими пальцами я почувствовал тонкие косточки, биение ее пульса. Она замерла, ее дыхание оборвалось. Весь мир сузился до этого простого, но оглушительного прикосновения. Моя огромная, сильная рука, способная крушить скалы, и ее хрупкая, беззащитная ладонь.

Я смотрел на наши соединенные руки. На контраст моей смуглой кожи и ее, почти фарфоровой. В этот момент я не чувствовал себя ни богом, ни драконом. Я чувствовал себя... мужчиной. И я ощутил желание. Чистое, острое, огненное желание, какого не испытывал уже много веков. Желание не просто обладать этим телом, но и душой, что жила в нем.

Я резко отдернул руку, словно обжегшись.

Отступил на шаг, разрывая наш зрительный контакт. Смятение бушевало во мне. Я пришел сюда, чтобы утвердить свою власть, а вместо этого обнаружил собственную уязвимость.

- Больше никогда... - прорычал я, и мой голос был ниже и грубее обычного. - Никогда не играй эту мелодию.

Не дожидаясь ответа, я развернулся и стремительно покинул библиотеку, оставляя ее одну, испуганную и растерянную, среди древних свитков. Я бежал от нее, но на самом деле я бежал от самого себя. От того, что она пробудила во мне. От первого прикосновения, которое потрясло основы моей вечности.

Глава 8. Вкус дома. Сюэ Лян

После его ухода я еще долго стояла, прижавшись спиной к холодному дереву стеллажа. Воздух в библиотеке, казалось, все еще потрескивал от напряжения. Я смотрела на свою руку, ту самую, которой он коснулся. Кожа горела так, словно он оставил на ней невидимый ожог. Я все еще чувствовала его прикосновение - тяжесть его ладони, ее сухое тепло, силу, что таилась в его пальцах.

Он понял. Он понял все. Мою отчаянную попытку докричаться до него через музыку, мое одиночество, мою боль, которую я пыталась использовать как щит и как оружие. Он назвал это смелым и глупым. И он был прав. Я играла с огнем, и пламя лизнуло меня, оставив в душе смятение и странный, пугающий трепет.

Он пришел, чтобы напугать меня, чтобы подавить. Я видела это в его глазах, когда он запирает меня у стеллажа. Я чувствовала это в его голосе. Но что-то произошло в тот миг, когда наши руки соприкоснулись. Ярость в его золотых глазах сменилась чем-то иным. Удивлением. Смятением. И еще чем-то - темным, горячим, чего я не могла понять, но что заставило мое сердце пропустить удар. Он хотел меня. Не как красивую вещь, не как собственность. А как женщину. И это осознание пугало меня больше, чем вся его драконья мощь.

Потому что на одно короткое, безумное мгновение, когда я ощутила его прикосновение, я не почувствовала отвращения. Лишь оглушительный всплеск чего-то живого и горячего внутри.

Его последний приказ - "Никогда не играй эту мелодию" - звучал в моей голове. Он запретил мне мое единственное оружие. Но этот запрет не был похож на предыдущие его приказы. В нем слышалась не только властность, но и почти мольба. Словно он боялся не меня, а того, что моя музыка делает с ним. И эта мысль давала мне странную, призрачную надежду.

Следующие несколько дней прошли в тумане. Я старалась избегать мест, где могла бы с ним столкнуться, проводя большую часть времени в своих покоях. Но приближался час ужина, и я знала, что встреча неизбежна. Я шла в главный зал, как на казнь, ожидая холодного гнева, новых унижений.

Но зал был пуст. Стол из черного нефрита был накрыт, как и в прошлый раз, но трон во главе пустовал. Я растерянно остановилась. Может, он решил покончить с нашими совместными трапезами? Часть меня испытала огромное облегчение, но другая, к моему ужасу, почувствовала укол разочарования.

Я села на свое место. И тут же слуги-тени поставили передо мной еду. Но это была не пища богов. Это была простая глиняная миска с дымящимся белым рисом и маленькая тарелочка с тушеными овощами. Рядом стояла чаша с прозрачным бульоном, от которого исходил тонкий, знакомый аромат.

Я замерла, не веря своим глазам. Это была еда из моего мира. Простая, скромная, человеческая еда. Я поднесла чашу с бульоном ближе. Аромат лотоса и имбиря. Точно такой же суп готовила моя мать, когда я болела.

Откуда он мог знать? Неужели он слушал меня тогда, за ужином, не просто из праздного любопытства? Неужели он запомнил?

Ком подступил к моему горлу. Я взяла палочки для еды, и мои пальцы дрожали так сильно, что я едва могла удержать их. Я подцепила немного риса, отправила в рот. Идеально сваренный, рассыпчатый, теплый. Настоящий. Вкус был таким знакомым, таким земным, что по моим щекам хлынули слезы. Я не плакала с первого дня моего плена, но сейчас я не могла сдержаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.